

**К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ:
МАКС ВЕБЕР СЕГОДНЯ**

С. Т. Золян^{1,2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 375010, Ереван, ул. Арами, 44
Поступила в редакцию 05.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3

Деятельность человека основана на постоянном процессе создания, передачи и трансформации смыслов и текстов. Разнообразные формы представления этой деятельности (культура, история, литература, искусство, политика, право и т. д.) можно рассматривать как семантические ансамбли, состоящие из значимых действий. Понятие «смысл» имеет основополагающее значение не только в лингвистике и семиотике, но и в «понимающей» социологии Макса Вебера: предметом социологии является понимание «смысла поведения». Основываясь на его определениях и их возможной модификации, мы предлагаем трансдисциплинарный синтез относительно изучения проблемы значений и их манифестации. Порождение смысла понимается как результат соположения лингвистических и внеязыковых систем в процессе социального взаимодействия и коммуникации. Это позволяет преобразовать акциональные (поведенческие) смыслы в лингвистические значения, и наоборот.

Ключевые слова: *смысл, социальная семиотика, Макс Вебер, поведение, субъективные и объективные смыслы.*

1

1.1. Человеческая деятельность основана на таких ценностях, как смысл и значение. Деятельность и действительность (а также все формы их проявления и репрезентации – культура, история, литература, искусство, политика, право и т. п.) могут быть рассмотрены как смысловые ансамбли. Вопросы смысла в той или иной форме являются объектом изучения как всего комплекса гуманитарного знания в целом, так и отдельных гуманитарных дисциплин. Но вместе с тем каждая из этих дисциплин подходит к проблеме смысла со своих позиций, используя собственный методологический инструментарий, который, как правило, остается без возможности приложения в смежных областях гуманитарного знания. Поэтому остается недостаточно проясненным вопрос, а что же объединяет эти столь различные «смыслы смысла», или «значения значения» (в первую очередь это различие между пониманием смысла как сущности, функции, цели некоторого объекта или явления, и смысла как семиотической характеристики знака или текста). Более того, само наличие этой объединяющей сферы еще требует обоснова-

ния. В этом отношении одним из трансдисциплинарных мостов может стать социальная семиотика. Представим возможные методологические основания для подобного подхода.

1.2. Если воспользоваться определением социологии Вебера — Лумана (см. ниже), то можно увидеть основы трансдисциплинарного симбиоза вокруг изучения проблемы смыслов и их манифестации: предмет социологии — изучение самой системы «конституирования смыслов» и ее механизмов, тогда как изучение смыслов и их конституирования станет уделом лингвистической семантики, семиотики культуры и социальной семиотики. Разумеется, здесь требуется как дифференциация, так и учет того, что между этими дисциплинами будет множество пересекающихся исследовательских сфер. В данном случае может оказаться плодотворной лотмановская концепция семиосферы, предполагающая взаимодействие и пересечение различных подобластей и языков (см.: Лотман, 1984). Исходным может стать положение о семиотическом компоненте как необходимой составляющей человеческой деятельности: «Сигнификативная структура (связанная с активным употреблением знаков)», является «общим законом построения высших форм поведения» (Выготский, 1999, с. 125). При этом очевидно, что из всех семиотических систем, на основе которых осуществляется деятельность и коммуникация, языку принадлежит особое место. Помимо наиболее явной функции средства коммуникации язык является важнейшим компонентом личной и коллективной идентичности, он имеет огромное символическое значение во всех социальных и культурных процессах, а также создает основу для социальной солидарности и взаимопонимания внутри общества. По меткому выражению Майкла Халлидея, язык и есть социальная семиотика, в которой общество описывает себя и конституирующие его смыслы (*constitutive meanings*) (Hallyday, 1978, p. 2). Это несомненно, находит свой отклик в теории автореферентных (самоописывающих) систем Н. Лумана: общество рассматривается как система, конституирующая смыслы. Раскрыть этот потенциал языка и коммуникации можно будет только рассматривая проблему комплексно и в трансдисциплинарном ключе. И наоборот — без лингво-семиотического инструментария процессы формирования и передачи смысла в социуме оказываются без должной экспликации.

В этом отношении особо значимым представляется рассмотрение возможностей синтеза лингво-семиотического понимания смысла, основанного на операциях над знаками и знаковыми системами, с тем пониманием, которое характерно для социологии. Социальная семиотика, в особенности в ее мультимодальной версии, представляется той дисциплиной, в которой социальная и лингвистическая теория должны дополнять друг друга. Однако в социальной же семиотике связь с теоретической социологией практически отсутствует; заявленные исследовательские декларации¹ в большинстве своем остались лишь благим

¹ Ср.: «То же самое относится к термину “социальная” в социальной семиотике. Он может стать самим собой только тогда, когда социальная семиотика будет полностью связана с социальной теорией. Такая междисциплинарность является абсолютно необходимой характеристикой социальной семиотики» (Leeuwen, 2005, p. 2).

пожеланием, а сама она свелась к изучению кейсов. Возможной причиной была неразработанность именно ключевого вопроса соотношения между языковыми и социальными смыслами. Именно этот вопрос станет предметом нашего рассмотрения: будет предложена возможная лингвистическая интерпретация веберовского понимания смысла как основания социально интерпретируемого действия². Определив «социальное действие» как такое, смысл которого направлен и ориентирован на *другого*, Вебер, по сути, ввел понятие коммуникации: межличностное взаимодействие предполагает передачу некоторого смысла. Можно продолжить: следовательно, модели коммуникации и модели социального (взаимо)действия могут быть сведены друг к другу. Например, рассмотреть возникающие при коммуникации процессы трансформации и генерации смысла. И если применительно к языковому поведению уже имеются глубоко разработанные теории, описывающие его как социальное поведение (теории перформативов Остина, речевых актов Сёрля, максим и имплицатур Грайса), то обратное — описание социальных действий как семиотических операций — все еще остается в стадии становления и может стать основой новой версии социальной семиотики³.

2

2.1. Понятие «смысла» является основополагающим в социологической теории Макса Вебера, а сам предмет социологии определяется им как *истолкование и понимание* «социального действия», то есть приписывание поведению некоторой осмысленной интерпретации:

Социология... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие. «Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем

² Другим перспективным направлением, при котором возможен синтез социальной и лингвосомиотической теории, но с опорой на языковые структуры и правила их употребления, в философии языка является теория перформативов и речевых актов Джона Остина и затем Джона Сёрля, в особенности разработанная последним в дальнейшем теория институциональных фактов (Searle, 1995). Само употребление языка справедливо рассматривается как социальное действие, а возникающие социальные институты и нормы описываются как семиотические объекты. Однако применительно к рассматриваемой проблеме все эти аспекты могут быть оставлены без внимания, поскольку в данном случае направление анализа оказывается противоположным: в теории Остина — Сёрля требуется определить языковой акт в терминах социального действия, тогда как в нашем случае мы пытаемся найти лингвистический коррелят для социализированных поведенческих актов, в том числе и невербальных.

³ Контуры подобной, к сожалению, не до конца доведенной версии социальной семиотики были обрисованы в работах представителей Московско-тартуской школы (Ю. Лотман, А. Пятигорский, Б. Успенский, И. Чернов и др.); подробнее см.: (Золян, 2017).

такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него (Вебер, 1990, с. 602–603).

«Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия (Вебер, 1990, с. 611).

Крайне важным считаем то положение, что, по Веберу, в объяснении поведения смысл предшествует действию — нечто становится действием только потому, что с ним связывается определенный смысл. Как видим, первичным оказывается не нечто наблюдаемое (действие), а смысл, который с ним связывают действующие индивиды. Однако возникает вопрос — откуда индивид черпает эти смыслы? Говоря о смыслах, смысловых связях и единствах, классик социологии, видимо, считал это само собой разумеющимся и не утруждал себя определениями того, что есть смысл и как он возникает. Смысл — это то, с чем агент действия связывает свое действие и что обусловлено *мотивом* — некоторым *смысловым единством*, что, очевидно, также должно быть рассмотрено как смысл, но более высокого уровня — как смысл-комплекс, объединяющий отдельные ситуации на основе некоторой смысловой *связи*. Последнее же выделяется как то, что соотносит это единство (мотив) с субъективным смыслом действия. Очевидна тавтологичность подобных определений, но она же есть свидетельство рекурсивности *смысла поведения* — осмысленность *смысла поведения* определяется относительно некоторого единства и некоторой связи, но эти мотивы и связи выводятся («объясняются») наблюдателем на основании *доступного непосредственному пониманию действия*. Но при этом это *смысловое единство* предшествует самому действию — и логически, поскольку именно оно наделяет нечто субъективным смыслом и тем самым делает его действием, и каузально — поскольку оно представляется причиной действия, и, видимо, предшествует и хронологически — причина должна существовать до следствия. Забегая вперед, заметим, что представляется возможным дополнить схему Вебера введенным уже Луманом механизмом повторного вхождения одного и того же элемента (Луман, 2004, с. 45–62), при котором оно может менять смысл. *Доступное непосредственному пониманию действие* обречено изменить свой смысл при соотнесении с опосредующими его мотивами, при которых неизбежно изменятся конституирующие его связи (так, один и тот же сам по себе лишенный значения жест — махать рукой — становится действием, уже будучи связан с некоторой ситуацией, в которой ему может быть приписан смысл — «прощаться», «выражать свое эмоциональное состояние», «выражать уважение» или же «пытаться остановить поезд», «запретить нечто». Непосредственное действие — «махание рукой» — в последующих описаниях будет заменено его смысловым коррелятом). Однако таким неявным образом в схему Вебера проникают знаковые отношения, которые будут усложняться при переходе от простейших поведенческих актов к сложным структурам⁴.

⁴ Ср.: «Согласно нашему определению, всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным, — есть знак» (Выготский, 1983, с. 77).

Нет никаких резонов считать, что под смыслом поведения Вебер понимал некоторый семиотический объект, соотносящий «означающее» («действие») и означаемое (скажем, *каузальное объяснение его процесса и воздействия*). Однако нет и никаких методологических препятствий для такой лингвосомиотической экспликации. В этом случае «субъективный смысл» может быть отождествлен со смыслом лингвистического выражения, посредством которого может быть описано действие агента применительно к некоторому тексту (мотиву) и логико-лингвистических средств связи данного выражения с выражениями текста. Заметим, что языковые смыслы — видимо, ввиду их очевидности — не замечаются Вебером. С этой точки зрения крайне любопытно, что, приводя дисциплины, изучающие смысл, Вебер не упоминает... лингвистику:

Слово «смысл» имеет здесь два значения. Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле. Этим эмпирические науки о действии — социология и история — отличаются от всех догматических наук — юриспруденции, логики, этики, — которые стремятся обнаружить в своих объектах «правильный», «значимый» смысл (Вебер, 1990, с. 603).

В самом деле, лингвистическое понимание смысла есть некоторое знаковое отношение *замещения* знаком физического или мыслимого объекта, тогда как для Вебера это некоторое *каузальное* отношение между действием и его мотивом — *смысловым единством*. Языковые смыслы не вмещаются в дихотомию *субъективное — объективное*⁵. Они, с одной стороны, вполне могут быть определены как «конструированный чистый тип смысла, субъективно предполагаемый гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации» (Вебер, 1990, с. 603), — мы опустили слово «теоретически», но и оно может быть восстановлено, поскольку любое семантическое описание языковых смыслов уже основано на некоторой теоретической модели⁶. С другой стороны, языковый смысл в процессе оперирования ими вполне может быть определен и как субъективный — то есть быть *приближенный, средний смысл, субъективно предполагаемый действующими ли-*

⁵ Ср.: «Уже Гумбольдт в своем тонком анализе разрабатывал как объективный, так и субъективный характер языка. Согласно этому, говорящий должен выбирать объективную форму и отказываться от своей собственности на произнесенное слово, следствием чего является то, что в языковой коммуникации никто из ее участников как раз и не думает о том, что думает другой. Язык как форма получает самостоятельность относительно своих творцов (!)» (Луман, 2007, с. 114).

⁶ Заметим, что подобное определение Вебера очень точно можно соотносить с таким принятым в когнитивистике метаописанием семантики языка, как представление смысла языковых выражений в виде фрейма или прототипических сценариев.

цами в определенном числе ситуаций, то есть опять-таки конструкт, но не научный, а языковой. С этой точки зрения, если воспользоваться разграничением Луи Ельмслева, разница между этими смыслами сводится к различию между двумя метасемантиками: научной и ненаучной (Ельмслев, 1960). Другое дело, что и в том, и в другом случае «правильность» будет определяться не как отношение «истинности», а как адекватность одной модели другой: насколько адекватно научная метасемантика описывает модели ненаучной.

2.2. Говоря об объективности и субъективности, Вебер вводит еще одно измерение. Помимо вышеуказанного разграничения между изучаемыми наблюдаемыми действиями эмпирическими дисциплинами (история, социология) и претендующими на раскрытие *какого-либо объективно «правильного» или метафизически постигнутого «истинного» смысла догматическими науками (юриспруденция, логика, этика)*, это разграничение может относиться и к степени адекватности. Тогда *объективность* будет выступать как степень конгруэнтности между смыслом полагаемого агентом действия и тем смыслом, который может быть приписан этому действию наблюдателем. Процесс понимания поведения выступает в данном случае как экспликация изначального субъективного смысла:

В науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие... Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, где о «предположении» в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении) (Вебер, 1990, с. 608).

Однако выясняется, что этот предполагаемый смысл может не совпадать с неким «подлинным» смыслом, который «на самом деле» определяет действия агента:

«Предполагаемый смысл» реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В реальной действительности подлинно эффективное, то есть полностью осознанное и ясное по своему смыслу, поведение — всегда лишь пограничный случай (Вебер, 1990, с. 624).

И тут возникает серьезное осложнение — в какой степени объективен данный субъективный смысл, вкладываемый агентом в свое действие. Помимо того, что наблюдатель вполне может приписать совсем иные смыслы, сам агент может и не сознавать «истинных» мотивов своего действия:

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную значимость и всегда остается лишь наиболее вероятной гипотезой. «Мотивы», которые данный индивид приводит, и те, которые он «подавляет» (то есть скрытые мотивы), часто настолько маскируют — даже в сознании самого действующего лица — подлинную связь его действий, что и субъективно искренние свидетельства имеют лишь относительную ценность (Вебер, 1990, с. 609).

Поэтому происходит определенная замена понятий — место «субъективного» смысла, которым — как ему самому кажется — руководствуется агент действия, замещает некий «объективный», а точнее, объективированный смысл, который ему приписывает наблюдатель-социолог:

В этом случае задача социологии — выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, невзирая на то что она обычно (или большей частью) не может считаться полностью конкретно предполагаемой, осознанной индивидом (Вебер, 1990, с. 609).

В результате эмпирическая методология социологии приближается к методологии «догматических» наук, оперирующих некоторыми идеализированными типами:

Конструированные социологические понятия идеально-типичны не только в применении к внешним событиям, но и к явлениям внутренней жизни людей (Вебер, 1990, с. 624).

Как видим, эти конструкты («идеальные типы») стремятся заменить «субъективные смыслы» реально действующих агентов. Заявленный «эмпиризм» Вебера противоположен эмпиризму бихевиоризма, в котором исчезает непосредственно ненаблюдаемое понятие смысла, а каузальная связь заменяется отношением «стимул — реакция». Между тем у Вебера, конструкты, а не психические состояния оказываются как предметом, так и инструментом описания. Поэтому такой подход открывает дорогу не только собственно социологическому, но и лингво-семиотическому описанию — если для социологического описания приемлемы веберовские (или какие-либо другие) идеализированные модели описания, то социальная семиотика может опираться на лингвистические и культурологические модели. Например, в качестве таковых могут выступать как зафиксированные в языке относящиеся к поведению фреймы, так и другие моделирующие системы (литература, религия, ритуал, драматургия, исторические описания и т.д.), также предоставляющие некоторые идеализированные поведенческие типы.

Что касается вопроса об объективности/субъективности «субъективного смысла» (в веберовском понимании), то, как представляется, целесообразно его перевести в иную плоскость: рассматривая как проблему соотношения между самоописанием и иноописанием. Она достаточно хорошо известна и в семиотике, и в социологии, к ней неод-

нократно обращался Юрий Лотман, а Никлас Луман сделал ее одной из центральных для своей социологической теории. «Объективность» в этом случае получает совсем иную трактовку — как адекватность тех или иных описаний и метаописаний. Именно в такой плоскости вопрос, насколько объективно описание «субъективных» смыслов, то есть насколько сделанное наблюдателем описание поведения может совпадать или не совпадать с самоописанием агента, частично он был нами рассмотрен ранее совместно с Игорем Черновым. Мы показали, что сама идентификация смыслов и мотивов есть уже метаязыковой акт и факт. Индивид и его поведение, представляющие перед чужим (или отстраненным) сознанием, требуют перевода на некий метаязык, который может выступать как эталон. Представление об этом было отчетливо сформулировано достаточно давно, например в Посланиях апостола Павла: «А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1Кор. 14: 13). Там же отмечалось и несоответствие самоописания реальности — «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно» (Ин. 5: 31) (см.: Золян, Чернов, 1977, с. 162).

Это евангельское высказывание воспроизводит дихотомию, которая позднее воплотится в веберовском подходе: приведенную выше противоречивую ситуацию применительно к адекватному описанию «субъективного» смысла. Что надлежит считать «подлинным»: тот смысл, который связывает со своим действием его агента, или же идеализированный смысл-конструкт, приписываемый этому действию наблюдателем-социологом? Подобная логика применительно к евангельской максиме приводит к противоречию: если только я не лгу, мое свидетельство о себе (вкладываемый мною в мое действие мой субъективный смысл) истинно и не может быть неистинно именно в силу соответствующей рекурсии, поскольку описанию подлежит именно тот смысл, который я вкладываю в свое действие в соответствии с некоторым смысловым единством (мотивом). Но наблюдатель может связать это же действие уже с другим мотивом, и ему может быть приписан уже иной смысл. Тем самым евангельская максима требует, чтобы агент действия встал на позицию наблюдателя, что согласуется с продолжением этого эпизода:

Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне (Ин. 5: 32).

Как видим, при подобной процедуре самоотстранения для оценки истинности нужен еще один наблюдатель, чтобы можно было бы оценить адекватность свидетельства. Это согласуется с общими принципами метаязыкового описания: в корреспондентной теории истины она не может быть установлена высказываниями на языке-объекте, а требует обращения к метаязыку. Само «свидетельство» есть уже некоторое публичное описание, то есть действие, переводящее агента действия в автора описания, наблюдателя. Учет публичного (то есть обращенного на других) и экстерииоризированного (то есть эксплицитно выраженного в вербальной форме) характера свидетельства снимает указанное

противоречие: свидетельство о себе может быть как истинным, так и неистинным, и истинным становится в случае совпадения само- и ино-описаний. Говоря словами Вебера: «...все это — понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия» (Вебер, 1990, с. 608).

Примечательно, что указанное возможное понимание высказанного Христом как противоречия было отмечено отцами Церкви, в частности в Толковании Иоанна Златоуста. Противоречие это не могло быть незамеченным и потому, что в том же Евангелии от Иоанна Христос утверждает прямо противоположное:

Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду (Ин. 8: 14)

Пояснения Иоанна Златоуста, как бы предвосхищая и теорию истины Альфреда Тарского, и теорию автометаописаний Никласа Лумана, сводятся именно к тому, что в первом случае Христос встает на позицию внешнего наблюдателя, почему и требуется еще одно, «эталонное» описание (в данном случае — Иоанна Крестителя). Во втором же случае единственным наблюдателем может быть сам субъект высказывания, почему и истинность в данном случае оказывается рекурсивным (автореферентным) отношением: свидетельствующая о себе (описывающая себя) истина есть истина, поскольку именно она и есть истина. Различие между двумя противоречащими фрагментами Евангелия, согласно Златоусту, кажущееся, оно объясняется различием между словесными выражениями, а не выражаемыми смыслами. Требуется учесть не только сами смыслы слов, но и воздействующие на их осмысление контекстуальные прагмасемантические факторы⁷, и в таком случае оба высказывания выражают одно и то же положение дел⁸.

⁷ «Много внимательности нужно нам иметь или, лучше, благодати Божией, чтобы не останавливаться на одних словах: потому и еретики заблуждаются, что не обращают внимания ни на цель говорящего, ни на свойства слушателей. Итак, если мы не вникаем в это, а также и в другие обстоятельства, как то: время, место, дух слушателя, то может произойти много нелепостей» (Творения Иоанна Златоуста, 1902, с. 152).

⁸ «Где мы найдем истину, если сама Истина говорит: свидетельство Мое несть истинно? И не это только противоречие здесь представляется, а еще и другое, не меньшее. Он говорит далее: аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое (8: 14). Что же, скажешь, нам принять? Которое из этих двух изречений считать не истинным? Если мы примем эти слова просто так, как они сказаны, не обращая внимания ни на лицо, ни на причину, ни на что другое, — в таком случае и то и другое будет ложно. Если вообще свидетельство Его не истинно, то и эти самые слова не истинны, — не только последние, но и первые. Что же означают эти изречения?... Иудеи намеревались возразить Ему: Ты о Себе Сам свидетельствуеши: свидетельство Твое несть истинно (8: 13); а Он, предупреждая их, и сказал это, как бы так говоря: вы, конечно, скажете Мне: мы не веруем Тебе потому, что между людьми никто, свидетельствующий о самом себе, никогда не заслуживает веры. Потому выражение: свидетельство Мое несть истинно надобно разуметь не просто, а приспособительно к поня-

Экстериоризация высказывания приводит к тому, что субъект высказывания выступает с позиции наблюдателя, почему и должен соотносить свое высказывание с позицией адресата и другого наблюдателя. Поэтому и в социологии, и в какой-либо иной системе описания, например в теории речевых актов, агент действия может «не знать» «подлинных», то есть приписываемых ему внешним наблюдателем смыслов своих действий. Для наблюдателя он выступает как внешний объект, своего рода «черный ящик», и адекватность описания определяется не внутренними состояниями этого объекта, а параметрами описывающей системы (упрощая — соответствием исходных и конечных характеристик, «входа» и «выхода»). Когда же речь идет о собственно описании намерений и ожиданий субъекта, то его описание при всех возможных вариациях смысла в новых контекстах, не может не быть единственным *подлинным*: только он может знать, «откуда он пришел и куда идет». По этой причине и предлагаемые гуманитарными дисциплинами описания не могут претендовать на то, что они в состоянии эксплицировать «подлинное», неведомое самому субъекту смысловое содержание его действий. Они не вправе заменить те субъективные смыслы, которые агент соотносит со своими действиями, на некоторые идеализированные конструкты, они могут только его репрезентировать — то есть пытаться не конструировать, а реконструировать его, объективировать в той или иной принятой социумом знаковой форме. Раскрытие смысла поведения — своего и чужого — это не только проблема гуманитарных наук, но прежде всего проблема интерперсонального взаимодействия, повседневной деятельности и коммуникации. В качестве языков и метаязыков описания, которыми пользуются члены социума для описания себя и другого, выступают не исследовательские конструкты и идеальные типы, а некоторые общезначимые для общества знаковые системы смыслов.

2.3. В приведенных определениях Вебера отсутствует понятие более широкой системы, относительно которой может быть определена *категория того, что имеет смысл*, а именно — культура. Как бы уточняя и расширяя подходы «понимающей социологии», Юрий Лотман указал ту область, откуда черпаются смыслы:

Культура в семиотическом аспекте предстает как некоторый континуум языков, которыми пользуется самосознающее мышление человека, а действия, как вербальные, так и совершаемые с помощью разнообразных поступков, могут быть истолкованы как тексты на некоторых языках. Понять смысл исторических поступков людей, их поведения и их сочинений означает овладеть языками их культур (Лотман, 2008, с. 510).

тию иудеев, то есть: для вас не истинно. Таким образом, Он сказал эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно к их мнению. Итак, когда Он говорит: свидетельство Мое несть истинно, — этим обличает их мысли и преднамеренное с их стороны возражение Ему; а когда говорит: аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое, — этим показывает самую сущность дела, то есть что Его, как Бога, следует почитать достойным веры и тогда, как Он говорит о Самом Себе» (Творения Иоанна Златоуста, 1902, с. 151–152).

«Язык культуры» связывается с пониманием смысла человеческих действий, но до этого следует рассмотреть роль естественного языка, на котором пишутся тексты и метатексты поведения. Как было отмечено нами ранее, «конструирование метаязыкового самоописания является "эпифеноменом" любого поведенческого акта. Относительно любого временного среза поведения индивиду может быть задан вопрос "что ты делаешь?" Предполагается, что метаязыковая экспликация (хотя бы в общей форме) не вызовет затруднений, поскольку поведение предполагает (имплицитно) возможность его метаязыкового представления» (Золян, Чернов, 1977, с. 152).

Это положение может быть конкретизировано следующим образом. Язык предоставляет как бы набор простейших метаязыковых шаблонов (класс местоименных слов и каузальных коннекторов), позволяющих выделить «субъективный» смысл действия — *делать, кто, что, для чего, для того, почему, потому, зачем* и пр. Так, все описания наблюдаемого поведения, предполагающего экспликацию субъективного смысла некоторого действия, может быть представлена как конкретизация схемы:

X делает Y (из-за того, что было A, для того, чтобы стало B),

где предполагается, что действие Y способно каузировать переход от состояния A к состоянию B. На эту шаблонную формулу могут накладываться операторы пропозициональных установок (*хотеть, думать, верить*) и модальных операторов (*возможно, должно, желательно, необходимо, запрещено* и т.п.). Безусловно, эти шаблоны могут усложняться, комбинироваться, редуцироваться и т.п., но основная схема остается той же. В подтверждение можно привести столь же шаблонные модели, направленные на объяснение непонятного поведения — тех случаев, когда становится неясной причина или цель действия («мотив», по Веберу): *Почему ты это делаешь? Для чего ты это делаешь?* Наконец, можно предусмотреть и шаблон, эксплицирующий социализацию смысла: *для кого ты это делаешь?* Это может быть не только бенефициарий, но и потенциальный толкователь данного действия — тот, который способен понять и должным образом описать субъективный смысл данного действия. Так, в случае пожертвования бенефициарий (например, больница) и адресат (избиратели) могут не совпадать.

Все эти простейшие формы, будучи «правильно» заполнены лексическими единицами, вполне могут рассматриваться как вербальные репрезентации смыслов действий: смысл описывающих действие предложений можно считать моделью смысла самих действий. Безусловно, это упрощение: возможны как многозначные предложения, так и действия, допускающие различные описания, могут быть различные «единства» (мотивы), относительно которых интерпретируется действие и т.п. Встречаются и другие переходные случаи (например, преобразование состояния в действие: «Что ты делаешь? — Сплю, скушаю, загораю»), когда подобная экспликация вызовет трудности, но она связана не с самой лингвистической процедурой, а с идентификацией поведенческих актов и наличием / отсутствием у них социального, то есть

ориентированного на другого, смысла. Однако семантические возможности языка вполне достаточны, чтобы моделировать не только простейшие, но и достаточно сложные, в том числе и принципиально не допускающие однозначной интерпретации, смысловые структуры (ср. с возможностями поэтического языка). Усложненным структурам социального смысла социального опыта можно найти соответствия в сложных языковых формах его текстуализации⁹.

С этой точки зрения представляется целесообразным говорить не столько о субъективных и объективных смыслах, сколько об их субъективации и объективации. Агент, совершающий действие, и Агент, описывающий свое же действие, даже будучи одним и тем же индивидом, выступают в разных ипостасях. В одном случае, смысл объективируется — свой субъективный смысл агент объективирует, сделав его языковым выражением. Однако, с другой стороны, некоторые объективно существующие смыслы (смыслы выражений русского языка) этот же агент субъективирует, делая его — *субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций* (вновь воспользуемся прекрасной дефиницией Вебера). При этом мотив — некоторое смысловое единство — становится описывающим данное единство нарративом. Тем самым становится понятным, на каких основаниях в социальной семиотике можно совместить оба вышеприведенных понимания смысла — веберовскую каузальную интерпретацию и лингвосомиотическую. Вторая есть знаковая репрезентация первой — языковая или какая-либо иная модель действия, которая заменяет саму ситуацию действия. Действие остается как память о событии в его вербальной или мультимодальной форме, как его иконическое воспроизведение (рисунок, видеосъемка), При этом текстуализация действия или события неизбежно привносит каузальные отношения и тем самым смысл в веберовском понимании. *Смысл, субъективно предполагаемый действующим лицом в данной исторической ситуации*, заменяется теми смыслами, которые объективно (то есть на основании некоторого приемлемого режима прочтения и стратегии интерпретации) могут быть выведены из описания данной ситуации. Но эта объективность в свою очередь носит опосредованный характер — в зависимости от того, как она описана, при помощи каких языковых средств. Так, в российской историографии победителем при Бородине считается Кутузов, и описание его поведения дано как последовательность действий, приведших к победе. Но во французской историографии победителем признается Наполеон. И та, и другая позиция может быть одинаково успешно выражена лингвистически, но лингвистические смыслы в данном случае суть только средства выражения иных, в данном случае — идеологических, которые, в свою очередь, потребуют знакового воплощения. Даже если в самом действии не было смысла, оно приобретает его в процессе интерпретации.

⁹ Текстуализация в данном случае понимается по Халлидею — как социальное событие, процесс обмена конституирующими общество смысловыми структурами (Halliday, 1978, p. 128–153).

Заключая, нужно отметить следующее. Поднятые вопросы вытекают из рассмотрения возможности соотнесения понятия смысла поведения в социологической теории Вебера как каузальной связи с лингво-семиотическим пониманием его как знакового отношения между означающим и означаемым. Они получают решение уже в рамках не собственно лингвистики, а социальной семиотики и семиотики культуры, когда формирование смысла понимается как результат соположения языковой и внелингвистических систем в процессе коммуникации, что может быть описано как механизм соотнесения языковых выражений текста и множества актуальных и латентных контекстов с множеством его возможных значений (интерпретаций, миров, текстов) и дискурсов (языковых игр). Однако, несмотря на различные сферы приложения и используемые методы, и в лингвистике, и в семиотике, по сути, объектом семантического анализа оказывается некий единый принцип – это механизм структурирования смысловых структур – начиная с уровня субтекстовых структур и прослеживая формирование смысловых структур текста в процессе их соотнесения с интертекстуальными (множество текстов), прагмасемантическими (множество коммуникативных контекстов функционирования данного текста) и экстралингвистическими структурами значения (стратифицированными областями интерпретации, мирами). Основная проблема семиотики поведения заключается в том, каким образом поведение может быть рассмотрено как знаковая система (язык) и каким образом оно может быть описано посредством языка, который будет выступать уже как метаязык. Любое действие может быть зафиксировано, связно интерпретировано и рационально объяснено, только будучи оформлено в лингвистических структурах и получив вербальное объяснение. Поведение можно рассматривать как текст, объяснение и интерпретация которого возможны только на уровне более глубинном, чем само непосредственно наблюдаемое поведение (это уровень концептуальных структур, предполагающих целеполагание и оценку). Поведение можно рассматривать на различных уровнях, но его объяснение и оценка могут быть достигнуты только при обращении к ненаблюдаемым концептуальным уровням, которые надстраиваются над семантическим уровнем языка. Это дополнительные по отношению к языку социокультурные коды, принятые и функционирующие в данном социуме. Эти концептуальные модели также должны быть зафиксированы в некоторой символической форме, но уже как метаязыковые тексты. Поведение субъекта предполагает постоянную рефлекссию как над самим поведением (текстом), так и над описывающим его метаязыком. Интерпретация и объяснение поведенческого факта могут быть описаны как правила соответствия между дескриптивным текстом поведения и используемым метаязыком (система норм, адекватность поставленным результатам и т. д.). Взаимодействие, понимание и сотрудничество между различными субъек-

ектами достигается не потому, что они пользуются единым (мета)языком, а благодаря множественности и переводимости кодов, равно как и благодаря поведенческому многоязычию членов социума.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. М., 1990. С. 602–643.
- Виготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3 : Проблемы развития психики.
- Виготский Л. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М., 1999.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [1943] // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. Вып. 1. М., 1960. С. 264–389.
- Золян С. Т., Чернов И. А. О структуре языка описания поведения // Тр. по знаковым системам. [Сб.] 8. 1977. С. 151–163. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 411).
- Золян С. Юрий Лотман и социальная семиотика: к постановке проблемы // Сборник Матице Српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 92. С. 123–150.
- Лотман Ю. М. О семиосфере // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. С. 5–23. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 641. Тр. по знаковым системам ; [сб.] 17).
- Лотман Ю. Несколько вводных слов // Sign Systems Studies. 2008. Vol. 36, № 2. С. 509–511.
- Луман Н. Общество как социальная система / пер. А. Антоновского. М., 2004.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. И. Д. Газиева. СПб., 2007.
- Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе : в 12 т. СПб., 1902. Т. 8 : Толкование на Евангелие от Иоанна.
- Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore, 1978.
- Leeuwen Th. van. Introducing Social Semiotics. L. ; N. Y., 2005.
- Searle J. The construction of social reality. N. Y., 1995.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования: Золян С. Т. К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 27–42. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3.

THE PROBLEM OF MEANING IN SOCIAL SEMIOTICS:
MAX WEBER TODAY

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on August 05, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3

A human activity is based on the constant creation, transmission and transformation of meanings and texts. All the forms of representation of this activity (culture, history, literature, art, politics, law, etc.) can be considered as semantic ensembles consisted from meaningful actions. The concept of “meaning” is fundamental not only in linguistics and semiotics, but also in M. Weber's theory: the subject of sociology is the understanding of “the meaning of behavior”. Based on the Weber's definitions and their possible modification, we suggest the transdisciplinary synthesis around the study of the problem of meanings and their manifestation. Meaning production is understood as a result of the conjunction of linguistic and extralinguistic systems in the process of social interaction and communication. This allows to convert actional meanings into linguistic meanings, and vice versa.

Keywords: Sense, social semiotics, Weber, behavior, subjective and objective meanings.

References

- Weber, M., 1990. Basic sociological concepts. In: Yu.N. Davydova, ed. *Weber Maks. Izbrannye proizvedeniya* [Weber Max. Selected Works]. Moscow, pp. 602–643 (in Russ.).
- Vygotsky, L.S., 1983. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche]. Vol. 3. Moscow (in Russ.).
- Vygotsky, L.S., 1999. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Vol. 5. Moscow (in Russ.).
- Elmslev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. In: V.A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., Chernov, I.A., 1977. On the structure of the language of behavior description. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Tartu State University], 411, pp. 151–163 (in Russ.).
- Zolyan, S., 2017. Yuri Lotman and social semiotics: to the problem statement. *Zbornik Matice Srpske za slavistiku = Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 92, pp. 123–150 (in Russ.).
- Lotman, Yu.M., 1984. About semiosphere. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Tartu State University], 641, 5–23 (in Russ.).
- Lotman, Yu., 2008. A few introductory words. *Sign Systems Studies*, 36(2), pp. 509–511 (in Russ.).
- Luman, N., 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow (in Russ.).
- Luman, N., 2007. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Social systems. Essay on a general theory]. St. Petersburg (in Russ.).

Zlatoust, I., 1902. *Tvorenija svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [The works of our holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople]. Vol. 8. St. Petersburg (in Russ.).

Halliday, M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore: University Park Press.

Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. London – New York: Routledge.

Searle, J., 1995. *The construction of social reality*. New York.

The author

Dr Suren T. Zolyan, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan S.T. 2018, The problem of meaning in Social Semiotics: Max Weber today, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 27–42. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3.